

Е. В. Педченко (Мариуполь)

УДК 82-312.2

ЧТО ДЕЛАЮТ ФАУСТ И МЕФИСТОФЕЛЬ В РОМАНЕ В. БРЮСОВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»?

***Реферат.** Статья посвящена рассмотрению реминисценций и аллюзий фаустианы в романе В. Брюсова «Огненный ангел». Особый интерес представляет роль эпизода, где Рупрехт встречается Фауста и Мефистофеля, который определен игрой автора с читателем и желанием воссоздать культурно-историческую картину Германии XVI века и сопоставить атмосферу периода Реформации с идейно-религиозными исканиями начала XX века в России. Проводимая автором параллель между Рупрехтом и Фаустом, подчёркивает, что стремление героев реализовать максималистское желание человека обрести власть над миром, расширить горизонты своего знания неотъемлемо связано с любовью-страстью, которая становится проводником в “темную область” в концепции символистского романа.*

***Ключевые слова:** игра с читателем, реминисценция, символистский роман, фаустиана.*

Сюжет о докторе Фаусте на протяжении последних пяти веков был очень популярен как в художественной литературе, так и в литературоведении. Прежде всего внимание исследователей привлекает генезис и трансформация данного сюжета. Каждая эпоха представляла миру своего Фауста и Мефистофеля. Так, Шпис и Марло создали ренессансного героя, Вагнер, Клингер, Ленц, Гете – штюмерского, Шпенглер – модернистского, Ницше – сверхчеловека и т. д. Художественный поиск продолжается до сих пор. Естественно, ведущее положение

занимает гётевская интерпретация, которая вышла далеко за рамки штюрмерской литературы. Именно с этим произведением связаны наиболее значительные исследования по фаустиане в Европе и отечественном литературоведении (работы В. Жирмунского, Г. Мюллера, А. Аникста, Г. Г. Ишимбаевой и др.).

В центре нашего исследования роман В. Брюсова «Огненный ангел», в котором фаустовский сюжет является лишь эпизодом. Герой-рассказчик Рупрехт встречается странную пару в 11 главе и расстается с ними в начале 13 главы.

С первого взгляда они показались ему “весьма замечательными”. В описании незнакомцев присутствуют основные характеристики образов Фауста и Мефистофеля. Один – доктор с благородной осанкой, самоуверенными движениями и утомленным выражением лица, “словно у человека, уставшего повелевать” [1, с. 201]; второй – монах, всё существо которого ежеминутно меняло свой внешний вид, как и выражение лица. Представляясь, монах называет себя скромным схоляром, “много лет изучающим изнанку вещей, которому излишний пирронизм мешает сделаться хорошим теологом” [1, с. 202]. Данная характеристика определяет роль, которую выбрал для себя на данный момент Мефистофель, ваганта, ценящего земные радости и отдающего предпочтение пантеизму. Он постоянно блещет остроумием, предпочитая злую насмешку в раблезианском духе. Мефистофель предлагает свое веселое общество и Рупрехту, видя его грусть. В его словах: “мы зато – веселые ребята, живем каждой минутой, не думая о следующей” [1, с. 202] Брюсов обыгрывает кодовую фразу договора Фауста “остановись мгновение”. Поэтому при всей легкости и веселости Мефистофеля Рупрехт почувствовал себя “словно запутавшимся в неводе его слов” [1, с. 202].

Небольшой эпизод романа содержит ещё много аллюзий и реминисценций известных произведений фаустианы до Брюсова, их рассмотрению посвящена статья Г. Г. Ишимбаевой «Фаустовские контаминации Валерия Брюсова и Сергея Прокофьева («Огненный ангел»)» [2]. Нас же интересует тот факт, что автор намеренно играет известными литературными кодами, вызывая разные ассоциации у читателя через героя-рассказчика с произведениями Шписа, Марло, Гете, Ницше, в

то же время создавая свою собственную интерпретацию данного сюжета. Но главным остаётся тот факт, что легенда о докторе Фаусте является частью истории XVI века.

Фауст и Мефистофель появляются как знаковые фигуры эпохи романного действия. Брюсова более всего заботила точность воссоздания культурно-исторической картины Германии эпохи Реформации. О кропотливой работе над источниками романа свидетельствует И. М. Брюсова: "... несколько лет выписывались для изучения XVI века книги, иллюстрации, рисующие быт, нравы, инквизицию, костюмы и т. д." [1, с. 43]. Брюсов старался соблюсти документальную точность и с этой целью изучал исторические документы, специальные исследования, иконографический материал и т. п. Брюсов добился в романе предельной этнографической, географической, архитектурной точности, ввёл в повествование реальные исторические лица, прибег к литературной мистификации, "отдав" рукопись вымышленному автору-герою-повествователю Рупрехту, предварив повесть «Предисловием к русскому изданию». Ощущение исключительной достоверности происходящего в романе создаётся автором и благодаря топографической точности описания путешествия героев: "Не один, а несколько раз обежали мы весь город Кельн, от св. Куниберта до св. Северина и от св. Апостолов до берега Рейна, причем ясно выказалось, что Рената не в первый раз в этом городе" [1, с. 55]; подробного изображения жизненных реалий того времени: «Некоторые раздоры вызывали между нами первые слухи о Мартине Лютере ... Уверяли, будто девять десятых Германии восклицало в те дни "Да здравствует Лютер", а позднее, в Испании, говорили, что у нас религия меняется, как погода, и майский жук летает между тремя церквями» [1, с. 20]; устройства быта: "... не могу воздержаться, чтобы не описать, хотя бы кратко, и те комнаты, в которых свершилась вся наша трагическая судьба, и тот склад нашей жизни, который, при всех переменах, сохранялся до рокового часа первой разлуки" [1, с. 66]. Брюсов включает в повествование образы исторических лиц: Агриппы, Иоганна Вейера, которые принимают непосредственное участие в судьбе главного героя, упоминает книги и имена немецких гуманистов. Достигнутая им иллюзия достоверности была так велика, что

«один из немецких читателей романа прислал на имя издателя письмо с просьбой указать владельца рукописи XVI века, с которой Брюсов перевел “Огненного ангела”» [1, с. 346]. И современные Брюсову критики, несмотря на противоречивые оценки повести, сходились в одном: писатель досконально воссоздаёт культурно-историческую картину Германии первой половины XVI века.

По мнению А. Ф. Лосева, “Символисты любили погружаться в прежние и уже отжившие культуры и тоже переводить их на язык непосредственного ощущения, и это тоже делало такие отдаленные культуры чем-то весьма живым, уж чересчур понятным современному читателю, если не прямо предметом реакционных вожелений воскресить эти культуры в качестве необходимой нормы для современной жизни” [3]. Но для Брюсова обращение к истории не было самоцелью. Он как бы проецировал настоящее на прошлое, чтобы понять, осмыслить своё время, потому представляется закономерным то, что он обращался в своём творчестве не просто к переломным моментам истории, а к тем её периодам, когда происходили существенные сдвиги в религиозном сознании. Так, в «Алтаре победы» писателя привлекла Римская история на переломе от язычества к христианству, а в «Огненном ангеле» – эпоха Реформации. Российская действительность начала XX века с её религиозным ренессансом, стремлением подвергнуть сомнению официальное русское православие, и вместе с тем обострением эстетической чувственности, интересом к мистике и оккультизму трансформировалась в художественном мире Брюсова в Германию начала XVI века. Эта историческая параллель буквально “витала” в воздухе. Недаром современники называли, например, Д. Мережковского “русским Лютером”. В романе эту ситуацию со свойственным ему сарказмом характеризует Мефистофель: “в конце концов, после этих вероисповеданий и новых катехизисов, христианство так обмелеет, что аду куда легче будет ловить с берега свою рыбу” [1, с. 211]. Кроме того, буквально повальное увлечение мистикой и оккультизмом, которое стало одной из характерных примет в жизни брюсовских современников, могло иметь аналог только в средневековой Европе. Увлечение мистикой было характерным явлением в кругу символистов. В. Ходасе-

вич отмечает, что Брюсов занимался оккультизмом, спиритизмом, черной магией [4, с. 184]. Этот факт определяет интерес писателя к образу известного мага и чернокнижника Фауста, в котором воплотилось стремление близкое человеку начала XX века “переступить священную грань, отделяющую наш мир от темной области, где витают духи и демоны” [1, с. 302].

В этом стремлении реализовалось максималистское желание человека обрести власть над миром, расширить горизонты своего знания. И проводником в “темную область” для героев романа становится любовь-страсть, всеразрушающая и одновременно просветляющая душу. Утомленный властью Фауст оживает при виде Елены Греческой. Он восхищён и влюблён, поэтому готов на всё ради того, чтобы увидеть её снова. “а если суждено мне сломать шею в таком предприятии, что за беда!” [1, с. 229]. – говорит Фауст. В этом желании нет стремления к мировой красоте и гармонии, но есть безумие страсти.

Необъяснимая страсть, исступление – основной лейтмотив романа В. Брюсова «Огненный ангел». Через это испытание проходят главные герои романа. Любовная линия романа сопряжена с мистическими откровениями и оккультными действиями. Любовь предстает здесь как “поединок роковой”, как мучительное, болезненное, и в то же время, высокое чувство. Искушение несёт не только дьявол, но и женщина. В Ренате идёт беспрестанная, испепеляющая борьба божественного и дьявольского начала. Рената существует в мире видений, отстраняясь от реальной жизни и погружаясь в мир мистический. В этот мир она увлекает и Рупрехта, который, выполняя данное ей обещание найти Генриха, отправляется на шабаш ведьм, занимается изучением сомнительных книг, вступает в переговоры с “маленькими” бесами и т. п. Причём, чем больше героиня желает очиститься, чем больше стремится отдаться религиозному чувству, тем большую власть обретает над ней дьявол, а она – над Рупрехтом. Исчезновение Ренаты доводит его до отчаяния. В ожидании видения прекрасной Елены Рупрехт вспоминает о Ренате, она истинная цель его путешествия. На следующий день герой расстается с “замечательной” парой, но автор не расстается с известным сюжетом. Эпизод о попытке спасти Ренату является реминисценцией из «Пра-

фауста» Гете. Так же, как Маргарита после отказов и упреков, зовет Генриха, Рената перестает проклинать возлюбленного и умирает со словами: “Милый Рупрехт! как хорошо – что ты со мной!” [1, с. 290].

Таким образом, В. Брюсов, вводя в роман сюжет о докторе Фаусте, утверждает идею бесконечного духовного поиска человека, его стремления обрести “ключи тайн”, познать непознаваемое и понять, как проявляется вечная борьба божественного и дьявольского начал в человеке. Брюсов постоянно играет кодами известного сюжета, который может иметь разные трактовки (названная выше статья Г. Г. Ишимбаевой), так как специфика символистского творчества подразумевает разное прочтение и восприятие через индивидуальные ассоциации, связанные не только с текстом романа, но и со знанием и восприятием текстов о докторе Фаусте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В. Я. Собрание сочинений. В 7-ми томах. / В. Я. Брюсов – М.: Художественная литература, 1974. – Т. 4.
2. Ишимбаева Г. Г. Фаустовские контаминации Валерия Брюсова и Сергея Прокофьева («Огненный ангел») / Г. Г. Ишимбаевой. Русская фаустиана XX века. – М.: Флинта: Наука, 2002. – С. 14–31.
3. Лосев А. Ф. Модернистская модель. [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев, М. А. Тахо-Годи. Эстетика природы (природа и ее стилевые функции у Р. Роллана). – К.: «Collegium», 1998. – 242 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/lostah_estpr/10.php
4. Ходасевич В. Некрополь. В кн. Серебряный век. Мемуары. / Сост. Т. Дубинская-Джалалова – М.: Известия, 1990.

Педченко О. В.

ЩО РОБЛЯТЬ ФАУСТ І МЕФІСТОФЕЛЬ У РОМАНІ В. БРЮСОВА «ВОГНЕННИЙ АНГЕЛЬ»?

Стаття присвячена розгляду ремінісценцій і алюзій фаустиани у романі В. Брюсова «Вогнений ангел». Особливий інтерес викликає роль епізоду, де Рупрехт зустрічає Фауста і Мефістофеля, який визначений грою автора з читачем і бажанням відтворити культурно-історичну картину Німеччини XVI століття і зіставити атмосферу періоду Реформації з ідейно-релігійними пошуками початку XX століття в Росії. Проведена автором паралель між Рупрехтом і Фаустом, підкреслює, що прагнення героїв реалізувати максималістське бажання людини знайти владу над

Что делают Фауст и Мефистофель в романе В. Брюсова?

світом, розширити горизонти свого знання невід’ємно пов’язане з любов’ю-пристрастю, яка стає провідником у “темну область” в концепції символістського роману. (Філологічні дослідження, вип. 15, 2016, с. 93–99)

Ключові слова: *гра з читачем, ремінісценція, символістський роман, фаустіана.*

Pedchenko E. V.

WHAT DO FAUST AND MEPHISTOPHELES IN THE NOVEL BRYUSOV “THE FIERY ANGEL”?

The article deals with reminiscences and allusions of faustianity in the novel Bryusov “The Fiery Angel”. The episode where Ruprecht meets Faust and Mephistopheles has a great concern, which is defined by the authors game with the reader, and the desire to recreate the cultural and historical picture of the sixteenth century in Germany and match the atmosphere of the Reformation period, with ideological and religious search of the early twentieth century in Russia. A parallel pursued by the author of abetween Ruprecht and Faust emphasizes that the pursuit of heroes realize maximalist man’s desire to gain power over the world, to expand the horizons of their knowledge is closely connected with the love-passion, which is to become a guide to the “dark” in the symbolist novel concept. (Philological researches, ed. 15, 2016, p. 93–99).

Keywords: *a game with the reader, faustiana, reminiscence, symbolist novel.*